ВЕСТНИК РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК, 2021, том 91, № 12, с. 1157–1169

ЭТЮДЫ ОБ УЧЁНЫХ

ВТОРОЕ АКАДЕМИЧЕСКОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В ПУШКИНСКОМ ДОМЕ
К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ

© 2021 г. В. Е. Багно[a],*, Н. А. Тарасова[a],**

[a] *Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия*

**E-mail: vsbagno@gmail.com*

*** E-mail: nsova74@mail.ru*

Поступила в редакцию 29.04.2021 г.
После доработки 06.05.2021 г.
Принята к публикации 28.06.2021 г.

В статье дан обзор исследовательской работы над вторым академическим Полным собранием сочинений и писем Ф.М. Достоевского в 35 томах, издаваемым Пушкинским Домом. Представлена общая характеристика издания, его связь с предшествующими и современными научными изданиями текстов писателя, а также результаты источниковедческой, комментаторской, текстологической работы.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, Полное собрание сочинений, проблемы эдиции, текстология, история текста, творческая история произведения.

DOI: 10.31857/S0869587321120045

Вступая в третье столетие со дня рождения Фёдора Михайловича Достоевского (1821–1881), мы понимаем, что романы великого русского писателя, прочитанные в переводе на любой из языков мира, являются языком межнационального общения, который понимают и на котором говорят сегодня сотни миллионов людей на земле. Мир покоряют не страны и не идеи, не народы и не их языки, а языки культур. Недавно нам об этом напомнил Дато Маградзе, один из самых известных современных поэтов Грузии: “Достоевский будет актуален в каждую эпоху, поскольку вечность переводится на язык любой из них. Думаю, язык вечности является международным языком гораздо в большей степени, чем английский”[1].

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН вносит свой вклад в празднование юбилея Достоевского, главным образом начатой в 2013 г. работой по подготовке второго исправленного и дополненного академического Полного собрания сочинений и писем писателя в 35 томах (главный редактор В.Е. Багно, заведующий Группой по изучению творчества Ф.М. Достоевского в 2009–2019 гг. В.Д. Рак, с 2019 г. – Н.А. Тарасова). Под исправленным и дополненным понимается издание, в которое вносят изменения в максимально необходимом объёме в тех случаях, когда при воспроизведении текстов Достоевского или составлении комментариев были допущены *неточности*, а также выявлена их *неполнота*. Во второе собрание включаются – с распределением по томам – все обнаруженные после выхода соответствующих томов или завершения первого собрания сочинений творческие и иные тексты писателя, рукописные и печатные, в том числе дубиальные, атрибутируемые с достаточно высокой степенью вероятности.

В 35-томное собрание включён выполненный Достоевским перевод романа О. де Бальзака “Евгения Гранде”, который стал для него литературной школой, сформировавшей его собственную писательскую манеру. Читая роман и сопоставляя русскую версию с французским оригиналом, мы можем заглянуть в творческую лабораторию

[1] Участниками проекта “Проблемы рецепции личности и творчества Достоевского в мировой культуре: история и современность”, выполняемого в Пушкинском Доме при поддержке РФФИ, создана рабочая версия интернет-портала “Достоевский и мир” (www.dostomundus.ru). По нашей просьбе своим мнением о значении русского писателя для современного мира поделились известные зарубежные деятели культуры: писатели, философы, режиссёры, актёры, художники, музыканты. Цитируемый текст Дато Маградзе можно найти на этом сайте в разделе “Анкета”.

БАГНО Всеволод Евгеньевич – член-корреспондент РАН, научный руководитель ИРЛИ РАН. ТАРАСОВА Наталья Александровна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ИРЛИ РАН.

Ф.М. Достоевский. Фотография В.Я. Лауффферта. 1872 г.

Фёдора Михайловича и понять, как, пытаясь воссоздать роман Бальзака на русском языке, он формировался как писатель.

Приведём в виде иллюстрации лишь один пример, имеющий отношение к характерным особенностям языка и стиля Достоевского: два фрагмента из перевода “Евгении Гранде”, опубликованного в 1844 г., и один – из романа “Бедные люди”, изданного в 1846 г.

“А! она очнулась, мама, мамаша-мам-мамаша! ну же, ну, душечка, посмотри, вот я обнимаю Евгению, мою дочку, мою милую дочечку; плутовочка любит красавчика Шарля; пусть любит, пусть любит...” [1, т. 1, с. 444].

“– Бедняжечка! – сказал старик, – о, если бы ты знала, как я люблю тебя, и тебя тоже, дочечка, голубушка, красавица, дочечка. <...> – А! как сладко обнять свою дочь, после примирения! дочечка, милочка! Посмотри-ка, мамаша, мы теперь заодно, мы заодно, Евгения; мы с тобой, как рыба с водой, – ангельчик Евгения” [1, т. 1, с. 445].

“Ангельчик мой, Варвара Алексеевна!

Спешу вам сообщить, жизнёночек вы мой, что у меня надежды родились кое-какие. Да позвольте, дочечка вы моя, — пишете, ангельчик, чтоб мне займов не делать? Голубчик вы мой, невозможно без них; уж и мне-то худо, да и с вами-то, чего доброго, что-нибудь вдруг да не так! ведь вы слабенькие...” [1, т. 1, с. 86].

В.С. Нечаева отмечала, что, хотя “почти каждую фразу Достоевский начинает по Бальзаку <...>, в его переложении она усложняется, обрастает новыми образами, новыми признаками образов, и бальзаковский текст тонет в плоти, которой одевает его Достоевский” [2, с. 115].

Рукописные редакции романа “Подросток” и комментарии к нему (первое ПСС, т. 16, 17), оказавшиеся вследствие цензурного вмешательства оторванными от основного текста произведения (т. 13), за которым следовали два тома “Братьев Карамазовых” (т. 14, 15) [подробно об этом см.: 3, с. 231, 232], во втором собрании сочинений возвращаются на полагающееся им место (т. 14, 15) с соответствующим перемещением “Братьев Карамазовых” (т. 16, 17).

Второе собрание сочинений дополняется томом рисунков Достоевского на его рукописях. Современники писателя не подозревали, что он рисовал в процессе обдумывания и создания своих произведений, что его рукописи буквально испещрены рисунками: портретами, архитектурными эскизами, каллиграфически выписанными словами. Огромную роль, наряду с портретами и каллиграфией, в творческой лаборатории Достоевского играла “готика”, фантазии русского писателя на тему окна или стрельчатой арки готического собора. Знаменательно, что особенно много “готики” в подготовительных материалах к его поздним романам “Преступление и наказание”, “Идиот”, “Бесы” и “Подросток”.

“Готические” фантазии в черновых рукописях Достоевского – одна из загадок творческой лаборатории писателя. Взяв за основу стрельчатую арку готического собора, Фёдор Михайлович создал бесчисленные версии “готических” окон, ни разу не повторившихся, при этом восходящих к одному и тому же инварианту. Трудно удержаться от соблазна увидеть в этих не всегда убедительных попытках архитектурного синтеза готического окна и луковки православного храма отголоски историософских взглядов русского писателя и мыслителя, его надежд на то, что России благодаря её “всеотзывчивости” предначертано спасти европейскую цивилизацию.

На сегодняшний день из печати вышло 9 томов (СПб.: Наука, 2013–2020), включающих раннее творчество писателя до- и послекаторжного периода, а также первые романы “великого пятикнижия” – “Преступление и наказание” (1866) и “Идиот” (1868) – и подготовительные материалы к ним. Сейчас идёт подготовка к публикации печатного текста и рукописей романа “Бесы”, в планах – более поздние и не менее известные

Ф.М. Достоевский. Подготовительные материалы к роману “Бесы”. Страница записной тетради с набросками архитектурных деталей в готическом стиле

произведения писателя – романы “Подросток” и “Братья Карамазовы”, а также публицистика, письма и многое другое.

В основу издания положено Полное собрание сочинений Ф.М. Достоевского под редакцией академика Г.М. Фридлендера (Л.: Наука, 1972–1990) – фундаментальный труд, базовый для специалистов по творчеству Достоевского [4, с. 91, 92]. Многие материалы, напечатанные в первом академическом собрании, сохраняют свою источниковедческую ценность по сей день, несомненны общий высокий уровень подготовки комментариев и усилия составителей по сохранению текста от воздействия идеологической цензуры советского времени.

Вместе с тем с момента завершения издания Г.М. Фридлендера прошло 30 лет, за это время исследователи Достоевского сделали огромный рывок в изучении творчества писателя, появились другие научные издания его текстов [5–7], получили обоснование новые методики текстологической работы на обширном материале русской и мировой классики [8–12 и др.], разработаны методы применения новейших информационных технологий при исследовании и публикации текстов [см.: 13], проведён архивный по-

иск, в результате которого многие факты биографии великого романиста и творческой истории его произведений были уточнены [см.: 14–20 и мн. др.], представители русской и мировой культуры продолжают интересоваться темой “Рецепция личности и творчества Ф.М. Достоевского” [21–31 и мн. др.]. Эти условия определяют необходимость и значение второго Полного собрания сочинений, где наиболее полно отразились бы достижения современной текстологической науки и результаты изучения художественного наследия писателя.

Начиная с первого тома нового собрания сочинений, где напечатан перевод Достоевским романа Оноре де Бальзака “Евгения Гранде”, впервые опубликованный в 1844 г. и переизданный позднее [см.: 1, т. 1, с. 324–466, 781–794], но не вошедший в первое академическое издание, в задачи составителей входят текстологический анализ и дополнение корпуса текстов, принадлежащих писателю, уточнение их истории, подготовка обновлённого комментария к ним.

С появлением новых томов, увеличением объёма и содержательной сложности исследовательской работы текстологическая концепция собрания сочинений также уточняется, получая более полное и аргументированное обоснование в преамбулах. Уже в первом томе в редакционной вступительной статье сообщается о том, что тексты публикуются “с сохранением наиболее важных особенностей, свойственных писателю и его эпохе”, при этом «понятию “важные особенности орфографии и пунктуации” придается <...> более расширенный по сравнению с *Акад. ПСС* смысл, вследствие чего тексты могут быть освобождены от цензурного насилия, корректорского ригоризма и ошибок чтения и понимания и во всех признанных необходимыми случаях возвращены написания и знаки препинания источника» [1, т. 1, с. 19, 20]. Эта методологическая установка сохраняет своё значение и обосновывается в текстологических преамбулах к недавно вышедшему – девятому – тому собрания сочинений, который содержит рукописные материалы к роману “Идиот”, рассказу “Вечный муж” и неосуществлённым замыслам Достоевского конца 1860 – начала 1870-х годов, а также дополненные комментарии к этим произведениям.

Приведём примеры текстологической работы по установлению основного текста романа “Идиот”, результаты которой отражены в восьмом томе нового собрания. Роман публиковался при жизни автора дважды – в журнале “Русский вестник” за 1868 г. и отдельно, книжным изданием, в 1874 г. Как известно, в нём особое значение имеют пушкинские образы и мотивы. При их исследовании возникают и текстологические вопросы. Поясним причины, по которым правильнее было бы сохранить вариант прижизненных изданий в эпизоде цитирования и толкования героями пушкинского стихотворения “Жил на свете рыцарь бедный”.

Известны следующие издательские решения этого текстологического случая.

В прижизненных изданиях встречаем следующие варианты:

А.Н.Б. (речь Аглаи):

“Правда, есть еще там какой-то темный, недоговоренный девиз, буквы А.Н.Б., которые он начертал на щите своем...”.

А.Н.Д. (попытка Коли Иволгина поправить Аглаю):

“– А.Н.Д., – поправил Коля.

– А я говорю А.Н.Б. и так хочу говорить, – с досадой перебила Аглая <...>”.

А.М.D. (из пушкинского текста, цитируемого Аглаей):

Полон чистою любовью,
Верен сладостной мечте,
А.М.D. своею кровью
Начертал он на щите.

А.Н.Д. (несобственно-прямая речь, размышления князя Мышкина):

“Что была насмешка, в том он не сомневался; он ясно это понял и имел на то причины: во время чтения Аглая позволила себе переменить буквы А.Н.Д. в буквы Н.Ф.Б.» [см. анализируемый контекст: 1, т. 8, с. 229–232].

А.Г. Достоевская исправила первопечатный текст в последнем случае (мысленная реплика князя), вероятно, посчитав, что аббревиатура А.Н.Д. содержит ошибку набора (соответственно, изменила А.Н.Д. на А.М.Д., ориентируясь на пушкинский текст и при этом используя кириллицу) [см.: 32, с. 251; 33, с. 245].

В собрании сочинений, подготовленном Б.В. Томашевским и К.И. Халабаевым, повторён вариант прижизненных изданий со следующим пояснением: “В тексте романа есть некоторое противоречие с текстом приводимого в цитате стихотворения Пушкина. В то время как в стихотворении упоминаются инициалы *А.М.D.*, в тексте они дважды цитируются *А.Н.Д.* <...>. В настоящем издании это противоречие осталось неустраненным, т. к. устранение его было бы связано с изменением инициалов, которые первоначально Аглая подставила на место пушкинских <...>” [34, с. 558].

В первом Полном собрании сочинений внесено исправление в последнем случае использования аббревиатуры – в размышлении князя Мышкина: «*Стр. 209*, *строки 41–42*: «“переменить буквы A.M.D. в буквы Н.Ф.Б.” вместо “переменить буквы A.H.D. в буквы Н.Ф.Б.” (опечатка во всех

источниках)» [35, т. 9, с. 335]. При этом неточно процитированы прижизненные издания: в них не используется латинское D в аббревиатуре А.Н.Д.

В собрании сочинений под редакцией Т.А. Касаткиной сохранён вариант прижизненных изданий и подчёркивается, что «девиз “АНД” вовсе не бессмыслен. Если “AMD” значит “Ave, Mater Dei” (“Радуйся, Матерь Божия”), то “AND” – “Ave Notre Dame” – “Радуйся, Госпожа” (французское; то же, что итальянское Madonna) – именование Богородицы, наиболее характерное как раз для эпохи рыцарства, с чем связан целый ряд смыслов романа <...>. И, очевидно, Достоевский помнил девиз (или девиз был нужен ему) именно в таком виде» [5, т. 4, с. 7; ср.: 36, с. 384].

Петрозаводское издание следует решению, предложенному А.Г. Достоевской, представляя обоснование правки текста [7, с. 718–722].

Полная расшифровка пушкинской аббревиатуры A.M.D. (Ave, Mater Dei) имеется в автографе, ещё не опубликованном в период появления романа “Идиот” [37, с. 732, 1182]. С.А. Фомичёв предположил, что «писатель обозначил (перед чтением Аглаи) стихотворение лишь первой строкой, предлагая воспроизвести при первой публикации произведения в журнале “Русский вестник” поэтический текст по одному из пушкинских изданий» [36, с. 384]. Действительно, обычной практикой в работе Достоевского над текстом (на что, в частности, указывают наборные рукописи его произведений) было цитирование стихотворений и газетных выдержек с помощью наборщиков: в таком случае в рукописи Достоевский, как правило, указывал начальную строку интересовавшего его источника, предоставляя сотруднику типографии возможность самостоятельно процитировать (набрать) необходимый текст. Судя по тому, что в прижизненных изданиях романа аббревиатура дана кириллицей и лишь в цитировании пушкинского стихотворения появляется латиница, в данном случае дело обстояло именно так: наборщик работал самостоятельно, а автор не сверял характер оформления аббревиатуры в речи своих героев и в пушкинском тексте. В результате возник разнобой и появилось неточное (вследствие авторской описки (?) или воспроизведения по памяти) А.Н.Д. вместо исходных А.М.Д. или A.M.D. (так, вариантно, выглядит аббревиатура в изданиях пушкинского стихотворения[2]). Достоевский, не сверяясь детально с источником цитаты, мог не помнить точный вид аббревиатуры и расшифровывать её по-своему.

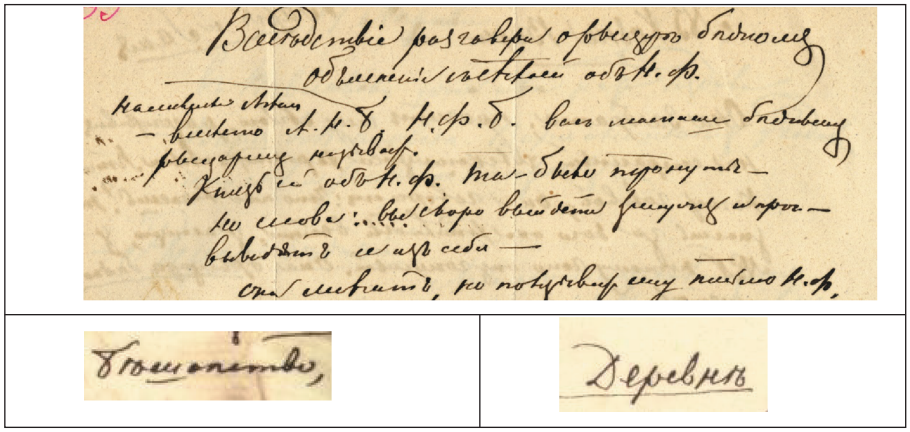
[2] Аббревиатура на латинице появляется в Собрании сочинений Пушкина, изданном в 1859–1860 гг. Я.А. Исаковым под редакцией Г.Н. Геннади [38, с. 284].

Характеристика, данная аббревиатуре Аглаей: “какой-то темный, недоговоренный девиз” – едва ли указывает на непонимание самим писателем смысла пушкинских строк. Черновой текст романа свидетельствует о том, что для Достоевского имела значение их религиозная направленность (которая очевидна и без расшифровки спорной аббревиатуры – из общего содержания стихотворения). В черновиках к “Идиоту” Аглая говорит о рыцарской любви к идеалу, “обожании чистой красоты” и приводит строку, “содержащую эмблему Богоматери” (“Да и кто жъ послѣ того можетъ быть: Lumen coeli, Sancta Rosa” (РГАЛИ. Ф. 212. 1. 7. С. 61, ср. в первом ПСС [35, т. 9, с. 263]; во втором ПСС [1, т. 9, с. 284]) [39, с. 80]. Полный текст пушкинского стихотворения мог быть известен Достоевскому, несмотря на то, что не был опубликован во времена “Идиота”: одна стихотворная строфа (“Путешествуя в Женеву / Он увидел у креста / На пути Марию Деву, / Матерь Господа Христа”) воспроизведена в статье М.Л. Михайлова “Уважение к женщинам”, вышедшей в журнале “Современник” в 1866 г. [35, т. 9, с. 403, 404]. Н. Соломина-Минихен указала, что эту строфу «Достоевский – явно по памяти и для памяти – внес позднее в записную тетрадь 1880–1881 годов, в раздел “Слова, словечки и выражения”, начатый 17 августа 1880 года» [39, с. 82; см. также: 35, т. 9, с. 403; 40, с. 158]; в автографе: “Подъезжая под Женеву, / У подножия креста / *Встретил <над строкой вариант*: Видел> он Святую деву, / Матерь Господа Христа” [35, т. 27, с. 44]. Кроме того, по предположению Г.Л. Боград, Достоевский “и до статьи Михайлова мог знать не опубликованный к тому времени вариант стихотворения Пушкина непосредственно от сестры поэта”, О.С. Павлищевой, бывшей замужем за Н.И. Павлищевым (фамилию которого получил покровитель главного героя романа “Идиот”) и в 1863 г. проживавшей в Павловске по соседству с братом писателя М.М. Достоевским [40, с. 153, 154].

Вариант, возникающий в речи Коли Иволгина и в несобственно-прямой речи князя Мышкина, а также подразумеваемый, но не использованный Аглаей (которая, произнося “девиз” как А.Н.Б. и Н.Ф.Б., перефразирует его ради иронического намёка на Настасью Филипповну), – тот, каким, возможно, его воспроизвёл в наборной рукописи сам автор: “А.Н.Д.”.

Сохранился черновой набросок к роману, в котором упоминается сокращение, но запись содержит правку, затрудняющую восприятие написанного. Текст наброска исследователи прочитывают двояко:

“Вслѣдствіе разговора о рыцарѣ бѣдномъ объясненіе съ Аглаей объ Н.Ф.



Сравнение буквенных написаний

{Насмѣшка Аглаи}[3] – вмѣсто А.Н.<Д. *или* Б.¿> Н.Ф.Б., васъ мамаша бѣднымъ рыцаремъ называетъ” (РГАЛИ. Ф. 212. 1. 7. С. 63).

В первом собрании сочинений первая аббревиатура прочитана как “А.Н.Д.” (т. 9, с. 265). В петрозаводском издании – как “А.Н.Б.” [7, т. 8, с. 720]. Последняя буква в аббревиатуре прочитывается вариантно в зависимости от того, как интерпретируется линия над буквой: как часть авторского знака, разделяющего записи (в таком случае в аббревиатуре буква “Д”), или как часть буквенного начертания (тогда в аббревиатуре “Б”). Вариант “А.Н.Д.” вызывает больше сомнений, так как в почерке писателя буква “Д” имела иное начертание, тогда как “Б” встречается на других страницах рукописей “Идиота” именно в таком графическом облике, как в данном наброске. В черновике, вероятнее всего, подразумеваются варианты, использованные Аглаей и в окончательном тексте, так как она действительно при цитировании Пушкина произносит вместо первоначально ею названного в диалоге с Колей “А.Н.Б.” более прозрачное по смыслу “Н.Ф.Б.”.

В печатном тексте в речи героев, как указано, дважды появляется вариант “А.Н.Д.”, который восходит, вероятно, к наборной рукописи. А.Г. Достоевская справедливо отметила ошибочность этого варианта по отношению к пушкинскому тексту, однако если предполагать, что у Достоевского это написание не случайно и аббревиатура могла иметь собственно авторскую расшифровку, то, руководствуясь теми же соображениями, что и в случае с “ошибками памяти” героев или автора романа [см. подробнее в текстологическом комментарии: 1, т. 9, с. 529–531], нет оснований изменять текст, тем более что такое решение нельзя подтвердить достоверным фактическим материалом из рукописных источников.

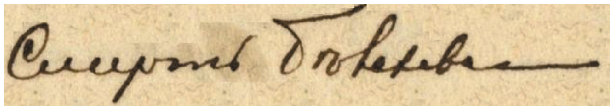
При подготовке текстов писателя к печати проводится их сплошная сверка с источниками: во-первых, специфика издательской работы такова, что без анализа частей нельзя составить представление о целом; во-вторых, без сплошной сверки невозможно было бы решать проблемы критики текста и выбора основного текста. Результаты сплошной сверки имеют значение для текстологической оценки прижизненных изданий каждого произведения. Что касается рукописей Достоевского, то новое их текстологическое исследование позволило во многих случаях исправить ошибки предшествующих научных публикаций, искажающие смысл авторского текста, уточнить ход творческого процесса автора, датирование записей, особенности их творческой истории. Кроме того, эта работа способствует обоснованию самой методики текстологического анализа рукописей Достоевского и уточнению принципов их публикации.

Приведём некоторые примеры.

Если в первых томах нового собрания сочинений были опубликованы в основном печатные тексты Достоевского и отдельные сохранившиеся рукописные фрагменты, относящиеся к раннему творчеству писателя, то начиная с седьмого тома (черновики романа “Преступление и наказание”) участники издания приступили к изучению рукописных материалов более значительного объёма. В процессе этой работы были пересмотрены как некоторые факты творческой истории публикуемых текстов[4], так и подход к их публикации. В первом

[3] При цитировании рукописного текста в фигурных скобках приводится вписанный Достоевским текст, в квадратных – вычеркнутый.

[4] Так, из состава рукописей романа “Преступление и наказание” исключены набросок “Пьяненькие” и два наброска, начинающиеся словами “Страстные и бурные порывы...”. В первом собрании сочинений они напечатаны вместе с рукописями указанного романа, во втором эти записи отнесены к неосуществлённым замыслам писателя 1864–1867 гг. – подробнее см.: [1, т. 7, с. 5, 6, 409–423].



Фрагмент черновых набросков к роману “Идиот”

Полном собрании сочинений черновые автографы (связный черновой текст) и наборные рукописи произведений писателя напечатаны как свод вариантов окончательного текста. Выбор такой формы публикации имеет свои недостатки: во-первых, читателям (тем более – исследователям) иногда приходится долго искать соответствия между печатным текстом и отдельными вариантами (особенно если варианты и основной текст напечатаны в разных томах издания); во-вторых, в самом процессе воспроизведения рукописи при такой (отрывочной, искусственно фрагментарной) подаче материала неизбежно возникают пропуски текста и ошибки чтения. Публикация чернового автографа в вариантах даёт слабое представление о первоисточнике, лишает читателей информации о расположении записей на рукописном листе, о характере записей на полях и вставок в основной текст. Поэтому во втором собрании сочинений сохранившиеся фрагменты черновых автографов романа “Преступление и наказание” было решено печатать в полнотекстовой версии.

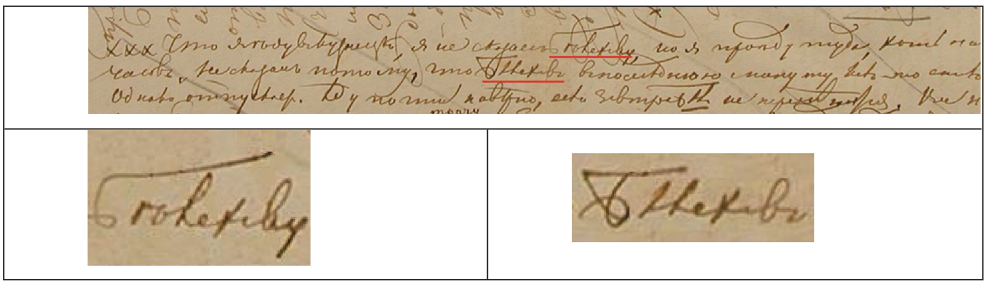
При подготовке рукописных текстов исправлены неверно прочитанные слова и фразы, при этом критический анализ написаний в ряде случаев позволил обнаружить новые факты творческой истории произведения. Так, в одном из черновых планов к роману “Идиот” есть помета с указанием фамилии. Оказалось, что она неверно прочитана публикаторами. У П.Н. Сакулина: “Смерть *Бѣляева*” (с пометой “Неразборчиво”) [41, с. 154; далее в тексте статьи – *1931*]. В первом Полном собрании сочинений: “Смерть *Белакова*” [35, т. 9, с. 269].

В автографе Достоевского: “Смерть *Бѣлехова*” (во всех цитированных случаях курсив наш) (РГАЛИ. Ф. 212. 1. 7. С. 132).

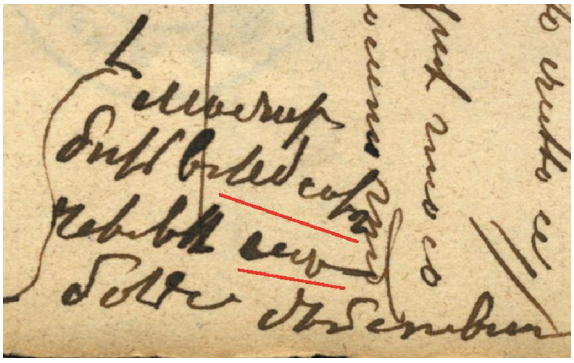
Григорий Белехов – реальное лицо. В именных указателях и справочной литературе, посвящённой творчеству Достоевского, это имя встречается и употребляется вариантно: Белихов – Белехов – Беликов [см.: 35, т. 28, кн. 2, с. 548; 42, с. 78, 79, 101, 108, 114, 122 и др.; 43, с. 198, 199 и др.; 44, с. 90, 91]. Есть упоминания о Белехове в письме Достоевского А.Е. Врангелю от 23 мая 1856 г. [35, т. 28, кн. 1, с. 233]. Автограф письма сохранился (РГБ. Ф. 93. I. 6. 5. Л. 10 об., запись с фамилией Белехова расположена на полях), и мы имеем возможность сравнить написания.

Подполковник Белехов был командиром семипалатинского 7-го линейного Сибирского батальона, в котором Достоевский служил рядовым после пребывания на каторге (т. 28, кн. 2, с. 548). Известно, что Белехов стал покровительствовать Достоевскому, поддерживал писателя в тот сложный жизненный период. Именно в его доме “Д<остоевский> знакомится с А.И. Исаевым и его семьей” [43, с. 199]. А.Е. Врангель в своих воспоминаниях даёт следующую характеристику Белехову: «Беликов был преоригинальная личность, достойная быть описанною. Главное его качество было хлебосольство и добродушие. Он происходил из кантонистов. Очень маленький ростом, с круглым брюшком, юркий и подвижный, с большим красным носом, говорил всем “ты, батюшка” и готов был первому встречному отдать последнюю рубашку. Всегда навеселе, любил карты и особенно прекрасный пол, но выбор его не шел далее солдатских жен и дочерей, причем их отцы и мужья обожали его: “Нам он отец родной, сам он из наших”, – говорили они и горько плакали, когда командир спустил их батальонные суммы и застрелился» [45, с. 25, 26; ср.: 43, с. 242]; см. также письма Достоевского М.М. Достоевскому от 3 ноября 1857 г. (“у нас новый командир” [35, т. 28, кн. 1, с. 291]) и Е.И. Якушкину от 23 ноября 1857 г. (“у нас перемена начальства” [35, т. 28, кн. 1, с. 292]) и примечания к ним [35, т. 28, кн. 1, с. 488]. Это произошло в 1857 г.

О смерти Белехова Достоевский вспоминает во время создания романа “Идиот”, причём на той же странице рукописи упоминаются “сын



Отрывок письма Ф.М. Достоевского А.Е. Врангелю



Черновой набросок к роману “Идиот”

Павлищева” и “рыцарь бедный”, то есть речь идёт об эпизодах, вошедших в окончательный текст. Есть основания полагать, что обстоятельства смерти Белехова стали отправной точкой для развития одного из мотивов романного сюжета и отражены в окончательном тексте.

О растрате ротной суммы сообщается в “статье” против Мышкина, сочинённой компанией Бурдовского и написанной Келлером [1, т. 8, с. 241]. Ложные обвинения, как мы знаем, опровергает Ганя Иволгин. Есть в тексте и реплика самого князя: “Павлищев мой благодетель и друг моего отца. (Ах, зачем вы такую неправду написали, господин Келлер, в вашей статье про моего отца? Никакой растраты ротной суммы и никаких обид подчиненным не было – в этом я положительно убежден, и как у вас рука поднялась такую клевету написать?)” [1, т. 8, с. 251]. Вместе с тем ранее в разговоре с генералом Иволгиным Мышкин замечает, что отец его “умер под судом”, но неизвестно, “за что именно” [1, т. 8, с. 92].

Таким образом, романный мотив растраты ротной суммы, судя по упоминанию о смерти Белехова в набросках к “Идиоту”, восходит к реальным воспоминаниям автора о семипалатинских событиях. Параллель “Белехов, покровитель Достоевского” – отец князя Мышкина становится дополнительным свидетельством автобиографичности образа главного героя.

Любые новые верные прочтения текста (в том числе на морфемном, а не только на лексическом уровне) важны, так как возвращают авторское слово читателю, но есть и особенно значимые уточнения, связанные с восстановлением целых смысловых контекстов. Такой пример обнаруживается на с. 128 рабочей тетради Достоевского (РГАЛИ. Ф. 212. 1. 7), где одна из записей прочитана публикаторами с существенным изменением смысла. Приведём разночтения по источникам (курсив наш):

1931: “Дѣйствительность выше всего. Правда можетъ быть у насъ другой взглядъ на дѣйствительность 1000 *думъ*, пророчество – фантасти<ческая> дѣйствитель<ность>. Можетъ быть въ *Идіотѣ человѣкѣ то* болѣе дѣйствит<еленъ>” [41, с. 153].

ПСС: “Действительность выше всего. Правда, может быть, у нас другой взгляд на действительность, 1000 *душ* <*Может быть*: 1000 дум>, пророчеств*а* – фантасти<ческая> действит<ельность>. Может быть, в *Идиоте человек-то* более действит<елен>” [35, т. 9, с. 276].

Рукопись: “Дѣйствительность выше всего. Правда, можетъ быть, у насъ другой взглядъ на дѣйствительность, 1000 *душъ*, пророчеств*а* – фантасти<ческая> дѣйствит<ельность>. Можетъ быть<,> въ *Идеалѣ человѣкѣ еще* болѣе дѣйствит<еленъ>”.

В пользу чтения “въ Идеалѣ” свидетельствуют и орфография, и графика записей. В слове “Идіотъ” в орфографии XIX в. была бы буква “і” – её в данном случае нет. Графические характеристики записи также не соответствуют написанию слова “Идіотъ”. Примеры из рукописей продемонстрированы на с. 1165.

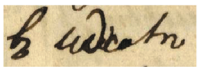
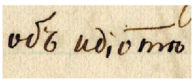
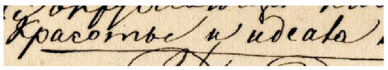
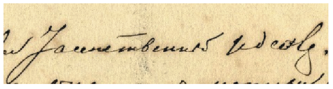
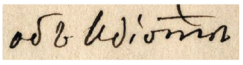
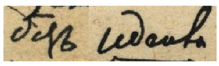
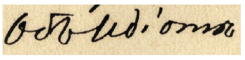
Везде в слове “Идіотъ” Достоевский отчётливо прописывает букву “і”. На ошибочное прочтение “Идиоте” вместо “Идеале”, заданное первой публикацией текста и повторённое в первом академическом издании, повлияло сходство слов по “общему рисунку”, написание слова с заглавной буквы, набросочный характер записи, сделанной на полях бегло, неразборчивым почерком.

Содержание этой записи имеет значение для интерпретации образа “положительно прекрасного человека” в замысле романа “Идиот”, равно как и для понимания авторских взглядов на вопрос о соотношении идеала и действительности, длительное время занимавший Достоевского и обсуждаемый, в частности, в литературно-критических статьях, ср.:

“Мы хотим действительности, жизни, веяния жизни. У нас всё общество, например, разрешает какой-нибудь современный вопрос, оно стремится к выходу, к идеалу, который оно само себе поставило. К этому-то идеалу и поэты должны стремиться” (“Ряд статей о русской литературе. Г–н – бов и вопрос об искусстве”) [35, т. 18, с. 94, 95];

“Что за истинный, зрелый юмор, какая сила действительности, какая злость, какие типы и портреты, и рядом – какая жажда красоты, какой светлый идеал! В Поэ если и есть фантастичность, то какая-то материальная, если б только можно было так выразиться” («<Предисловие к публикации “Три рассказа Эдгара Поэ”>») [35, т. 19, с. 89];

“Притом же Гофман неизмеримо выше Поэ как поэт. У Гофмана есть идеал, правда иногда не точно поставленный; но в этом идеале есть чистота, есть красота действительная, истинная, присущая человеку” [35, т. 19, с. 89];

Идеалъ (идеалъ)	Идіотъ (идіотъ)
 *въ идеалѣ*	 *объ идіотѣ*
 *Красоты и идеала*	*объ Идіотѣ*
 *Таинственный Идеалъ*	 *объ Идіотѣ*
 *безъ Идеала*	 *Объ Идіотѣ*

Графические характеристики написаний

“А стало быть, что же делает тут художник, как не доверяется скорее своей идее (идеалу), чем предстоящей действительности? Идеал ведь тоже действительность, такая же законная, как и текущая действительность. У нас как будто многие не знают того” (“Дневник писателя” за 1873 г.) [35, т. 21, с. 75, 76];

«Что же касается до нравоучения, которым вы кончаете вашу заметку: “Пусть лучше идеалы будут дурны, да действительность хороша”, – то замечу вам, что это желание совершенно невозможное: без идеалов, то есть без определенных хоть сколько-нибудь желаний лучшего, никогда не может получиться никакой хорошей действительности» (“Дневник писателя” за 1876 г.) [35, т. 22, с. 75].

Об интересе Достоевского к этой теме в период создания “Идиота” свидетельствуют письма к А.Н. Майкову от 11 (23) декабря 1868 г. и Н.Н. Страхову от 26 февраля (10 марта) 1869 г. В письме Майкову Достоевский сообщает о планах завершения романа “Идиот” и о замысле “Атеизм” и говорит о том, что его “идеализм” реальнее “реализма”[5]. В письме Страхову эта же мысль звучит яснее: «У меня свой особенный взгляд на действительность (в искусстве), и то, что большинство называет почти фантастическим и исключительным, то для меня иногда составляет самую сущность действительного. Обыденность явлений и казенный взгляд на них, по-моему, не есть еще реализм, а даже напротив. <...> Неужели фантастичный мой “Идиот” не есть действительность, да еще самая обыденная! Да именно теперь-то и должны быть такие характеры в наших оторванных от земли слоях общества, – слоях, которые в действительности становятся фантастичными» [35, т. 29, кн. 1, с. 19].

Ещё один пример. В черновой записи к “Бесам” есть строки, опубликованные неточно. В такой ошибочной формулировке они вошли в научный оборот и неоднократно цитировались в научной литературе. В публикациях:

Коншина:

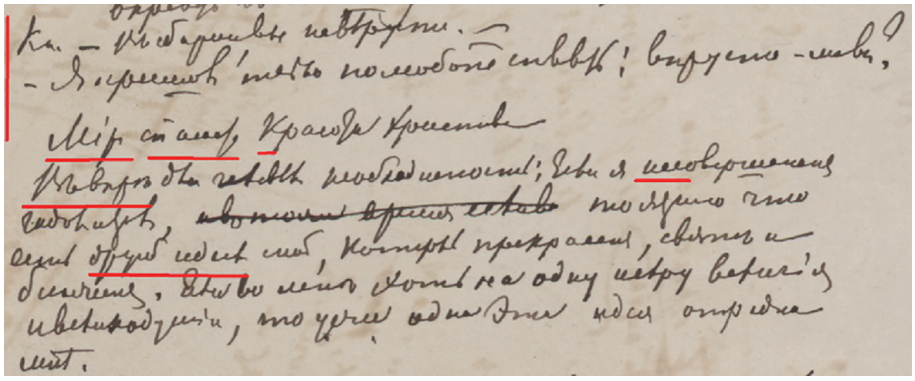
“Кн. Вы барин, вы неверуете –

– Я пришел только полюбопытствовать: веруете ли вы?

*Мир станет к*расота Христова.

В вере для человека необходимость: Если я *не*совершенен гадок и зол [и в тоже время если] то я знаю, что есть *другой идеал* мой, который прекрасен, свят и блажен. Если во мне хоть на одну искру величия и великодушия, то уже одна эта идея отрадна мне” [46, с. 222].

[5] Ср.: “Совершенно другие я понятия имею о действительности и реализме, чем наши реалисты и критики. Мой идеализм – реальнее ихнего. <...> Ихним реализмом – сотой доли реальных, действительно случившихся фактов не объяснишь. А мы нашим идеализмом пророчили даже факты” [35, т. 28, кн. 2, с. 329, 489]. Имеется в виду, вероятно, сюжет “Преступления и наказания”, который совпал по времени с судебным процессом над студентом Даниловым, убившим ростовщика со служанкой.



Черновые наброски к роману “Бесы”

ПСС:

“Шатов:[6] “Вы барин, вы не веруете”.

– Я пришел только полюбопытствовать: веруете ли вы?

– *Мир станет к*расота Христова.

– *В вере* для человека необходимость: если я *не с*овершенен, гадок и зол[7], то я знаю, что есть *другой*, *идеал* мой, который прекрасен, свят и блажен. Если во мне хоть на одну искру величия и великодушия, то уже одна эта идея отрадна мне” [35, т. 11, с. 188, 189].

Рукопись:

“Кн<язь>[8]. – Вы баринъ, вы не вѣруете. –

– Я пришолъ только полюбопытствовать: вѣруете ли вы?

*Міръ спасаетъ К*расота Христова.

Въ вѣрѣ для человѣка необходимость: Если я *нес*овершененъ, гадокъ и золъ, [и въ то же время если *в*] то я знаю, что есть *другой идеалъ* мой, который прекраснъ, святъ и блаженъ. Если во мнѣ хоть на одну искру величія и великодушія, то уже одна эта идея отрадна мнѣ” (РГБ. Ф. 93. I. 1. 5. С. 40).

В первом Полном собрании сочинений при воспроизведении этого отрывка поставлены диалогические тире, из-за чего складывается впечатление, что реплики принадлежат разным персонажам (тем более что выше передаётся диалог Шатова и Князя-Ставрогина). Однако в рукописи это цельное высказывание, которое следует относить к Шатову. Исправление орфографии и пунктуации автографа в собрании сочинений безосновательно: в слитном написании прилагательного “несовершенен” (вариант автора) не содержится никакой ошибки, так же как в словосочетании “есть другой идеал мой” не нужна запятая после “другой”. В обеих публикациях допущена лексическая ошибка: в рукописи – “Міръ спасаетъ Красота Христова”, а не “Мир станет красота Христова”.

Ошибочные чтения объясняются неразборчивостью почерка в этом отрывке и спецификой некоторых начертаний (например, “К” в слове “Красота” выглядит как прописная, но в текстах Достоевского встречаются и строчные написания “к” с крупно прописанными элементами, поэтому в публикациях часто возникают варианты интерпретации слов с начальным “к”). Глагол “спасаетъ” записан нечётко, некоторые буквы очень мелкие (например, второе “с” и буква “е”).

В пользу чтения “спасаетъ” говорят два обстоятельства: начертание буквы “п” – в записи два основных штриха, а не три (как в варианте буквы “т”); вторая “а” после мелко записанной “с” (в публикациях это сочетание было принято за букву “н”, но такой вариант не является правильным: “н” Достоевский пишет с более тонкими вертикальными штрихами, а здесь в начертании есть скругление, которое типично для гласных, в частности, для “а”).

Таким образом, лексические уточнения при установлении авторского текста, безусловно, влияют на понимание всей художественной идеологии автора – так же, как и исследовательские ошибки прочтения рукописи влияют на смысл текста, искажая его. Из приведённых примеров ясно, что текстологическая работа, которая в настоящее время осуществляется во втором Полном собрании сочинений, обладает несомненной ценностью и способствует восстановлению подлинного смысла многих записей Достоевского.

То же следует сказать и о подготовке обновлённых комментариев к произведениям писателя. В настоящее время научная и критическая литература о Достоевском насчитывает тысячи книг и статей, посвящённых творческой истории его произведений и восприятию их в России и за ру-

[6] Примеч. в источнике цитирования: *В рукописи ошибочно*: Кн<язь>.

[7] Примеч. в источнике цитирования: *Далее было*: и в то же время если.

[8] По смыслу должно быть: Шатов.

бежом, в мировом масштабе, в разные исторические периоды, содержащих досконального идейный и художественный анализ, разнообразные интерпретации, гипотезы, догадки, сопоставления и т.п. Накопленные в этом материале важнейшие выводы и положения, имеющие прочное обоснование и получившие общее признание в достоевсковедении, равно как и весомые отличные мнения и полемические соображения, должны быть с достаточной полнотой отражены в статейных и реальных комментариях в новом собрании сочинений. Это касается в том числе христианского контекста творчества Достоевского, так как данной теме в советский период не было уделено достаточного внимания; в наши же дни она приобрела особую научную и общественную значимость и на ней зачастую сосредоточено едва ли не преимущественное внимание исследователей.

В томах нового собрания сочинений, по сравнению с первым изданием, подробно отражена графика Достоевского – описаны рисунки и каллиграфические прописи, а в разделах примечаний приводится по необходимости комментарий к каллиграфии. Большой объём дополнений имеется в историко-литературном и реальном комментариях. Помимо собственно текстологических объяснений, это обширный новый фактический материал – новые комментарии к именам, сюжетным ситуациям, мотивам, библейским цитатам и аллюзиям (как в печатных, так и в рукописных текстах), существенно дополненные разделы о рецепции произведений Достоевского в театре и кино и др.

В последнем вышедшем на данный момент (девятом) томе в качестве комментаторов приняли участие зарубежные коллеги из Аргентины (Алехандро Ариель Гонсалес, Лаура Перес Диатто), Болгарии (Эмил Димитров), Венгрии (Агнеш Дуккон), Италии (Стефано Алоэ), Испании (Бенами Баррос Гарсиа), КНР (Чжан Бяньгэ), Польши (Тадеуш Сухарски), США (Юрий Корриган), Швейцарии (Даниэль Риникер, Ульрих Шмид), Японии (Наохито Саису), написавшие основательные обзоры научной и художественной рецепции романа “Идиот” в этих странах в контексте истории и современности. Вместе с многочисленными дополнениями в “статейной” части комментария, сделанными российскими коллегами – участниками издания, эти обзоры существенно дополняют картину изучения и восприятия романа в России и за рубежом, учитывая всю многоплановость проблематики этого произведения и научные дискуссии о нём, в том числе в связи с христианскими взглядами писателя и их воплощением в тексте. Участники тома стремились максимально полно представить разные, порой противоборствующие точки зрения на роман

Личные вещи Ф.М. Достоевского: чернильный прибор; очки с футляром; портсигар; бант распорядителя на открытии памятника А.С. Пушкину в Москве в 1880 г.

“Идиот”, показывая весь спектр исследовательских идей в их исторической перспективе.

В то же время следует отметить, что для подготовки такого значительного корпуса текстов, как Полное собрание сочинений Ф.М. Достоевского, имеющихся сотрудников недостаточно – особенно это касается выполнения текстологической работы. Необходимо расширение научного коллектива издания за счёт привлечения высококвалифицированных специалистов из ведущих научных центров страны, занимающихся исследованием и изданием произведений Достоевского. Кроме того, крайне низкий тираж томов – от 300 до 700 экземпляров каждый – не позволяет обеспечить новым изданием все университетские и региональные научные библиотеки и удовлетворить несомненный и неоднократно проявленный интерес читателей по всей стране и за её пределами.

Однако юбилей требует возвращения к высокой ноте.

Отношение Ф.М. Достоевского к европейской цивилизации было не менее страстным, чем его отношение к России. При этом не может не пора-

жать, что, будучи одновременно непримиримым, восторженным и болезненным, это отношение было едва ли не требовательным, заботливым, наставительным и отеческим, каким бывает отношение к живому существу, более того, к самым близким людям, за которых мы несём ответственность. Поэтому нет ничего удивительного и в том, что *переживание* Достоевского, его мировидение и мирочувствование, абсолютно по-разному прочитанные, услышанные и усвоенные миллионами людей не только в Европе, но и во всём мире, стало важнейшим явлением культурной, интеллектуальной и духовной жизни XX – начала XXI в.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений и писем. В 35 т. СПб.: Наука, 2013.
2. *Нечаева В.С.* Ранний Достоевский. 1821–1849. М.: Наука, 1979.
3. *Архипова А.В.* Как мы издавали академического Достоевского // Достоевский и мировая культура. СПб.: Серебряный век, 2001. № 16. С. 225–236.
4. *Розенблюм Л.М.* Проблемы публикации записных книжек писателя (из опыта “Литературного наследства”) // Современная текстология: теория и практика М.: Наследие, 1997. С. 89–94.
5. *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений. В 9 т. / Подгот. текстов, сост., примеч., вступ. ст., коммент. Т.А. Касаткиной. М.: Астрель: АСТ, 2003–2004.
6. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений. В 18 т. / Науч. ред. В.Н. Захаров. М.: Воскресенье, 2003–2007.
7. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений. Канон. тексты: в авт. орфографии и публикации / Под ред. проф. В.Н. Захарова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995–2015. Т. 1–9, 11.
8. Современная текстология: теория и практика / ИМЛИ им. А.М. Горького РАН. М.: Наследие, 1997.
9. *Рак В.Д.* Пушкин, Достоевский и другие (Вопросы текстологии, материалы к комментариям). СПб.: Акад. проект, 2003.
10. *Шапир М.И.* Статьи о Пушкине / Сост. Т.М. Левина; изд. подг. К.А. Головастиков, Т.М. Левина, И.А. Пильщиков; под общ. ред. И.А. Пильщикова. М.: Языки слав. культур, 2009.
11. *Тарасова Н.А.* “Дневник писателя” Ф.М. Достоевского за 1876–1877 годы. Критика текста. М.: Квадрига; МБА, 2011.
12. *Тарасова Н.А., Панюкова Т.В.* Семантика и идеография рукописного текста Достоевского: от почерка к смыслу // Неизвестный Достоевский. 2020. № 4. С. 222–292. https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1607609576.pdf
13. *Тарасова Н.А.* Цифровой архив Достоевского: проблемы публикации рукописного текста в электронном издании // Филологические науки. 2019. № 2. С. 81–91.
14. *Тихомиров Б.Н.* Материалы к родословной Достоевских // Достоевский и мировая культура. СПб.: Серебряный век, 1998. № 11. С. 188–198.
15. *Башкиров Д.Л.* История рода Достоевских: новые материалы // Вестник РГНФ. 2007. № 4(49). С. 151–163.
16. Хроника рода Достоевских / Под ред. И.Л. Волгина (руководитель проекта); Игорь Волгин. Родные и близкие: Ист.-биогр. очерки. М.: Фонд Достоевского, 2013.
17. *Богданов Н.Н., Роговой А.И.* Родословие Достоевских: в поисках утерянных звеньев. 2-е изд. М.: Старая Басманная, 2010.
18. *Богданов Н.Н.* “...Лица необщим выраженьем...”. Родственное окружение Ф.М. Достоевского. 2-е изд. М.: Новый хронограф, 2014.
19. *Тарасова Н.А.* Проблемы изучения рабочих тетрадей Ф.М. Достоевского в биографическом контексте // Русская литература. 2019. № 3. С. 103–110.
20. *Панюкова Т.В.* Фактические источники при исследовании биографии Ф.М. Достоевского: от документа – к факту и интерпретации // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2020. № 4(12). С. 158–196.
21. О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 годов / Сост., прим. В.М. Борисова, А.Б. Рогинского. М.: Книга, 1990.
22. Русские эмигранты о Достоевском / Сост., прим. С.В. Белова. СПб.: Андреев и сыновья, 1994.
23. Властитель дум: Ф.М. Достоевский в русской критике конца XIX – начала XX века / Сост., вступ. ст., коммент. Н. Ашимбаевой. СПб.: Худож. лит., 1997.
24. *Гончарова Н.Г.* Ф.М. Достоевский в зеркалах графики и критики (1848–1998). М.: Совпадение, 2005.
25. *Багно В.Е.* Спор о Толстом и Достоевском в литературах Латинской Америки // Толстой или Достоевский? Философско-эстетические искания в культурах Востока и Запада. СПб.: Наука, 2003. С. 152–161.
26. *Багно В.Е.* Поэма “Великий Инквизитор” в эмигрантском дискурсе // Русская литература. 2009. № 2. С. 202–207.
27. *Багно В.Е.* Европа как крёстная дочь (вторая родина Достоевского) // Вопросы философии. 2011. № 4. С. 104–108.
28. *Багно В.Е.* Ясные поляны и петербургские углы России и русской литературы (Прогнозы и пророчества Э. Пардо Басан) // Русская литература. 2020. № 3. С. 74–84.
29. Образ Достоевского в фотографиях, живописи, графике, скульптуре / Отв. ред. Н.Т. Ашимбаева. СПб.: Кузнечный переулок, 2009.
30. Образы Достоевского в книжной иллюстрации и станковой графике / Отв. ред. Н.Т. Ашимбаева. СПб.: Кузнечный переулок, 2011.
31. Русская классика: Pro et contra. Между Востоком и Западом / Сост. Л.В. Богатырёва и др. СПб.: Изд-во РХГА, 2018.
32. Полное собрание сочинений Ф.М. Достоевского. Т. 1–14. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1882–1883. Т. 7.

33. Полное собрание сочинений Ф.М. Достоевского. СПб.: Тип. П.Ф. Пантелеева, 1904–1906. Т. 7.

34. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание художественных произведений. В 13 т. / Под ред. Б.В. Томашевского и К.И. Халабаева. М.; Л.: Госиздат, 1926—1930. Т. 6.

35. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений. В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

36. *Фомичёв С.А.* Стихотворение о рыцаре бедном (Текстологические уточнения к академическим изданиям А.С. Пушкина и Ф.М. Достоевского) // Sub specie tolerantiae. Памяти В.А. Туниманова. СПб.: Наука, 2008. С. 378–384.

37. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений. В 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 3. Кн. 2.

38. *Крапивин Г.Н.* История одной мнимой “опечатки”: А.Н.Д., А.М.Д. или A.M.D.? // Достоевский и мировая культура. СПб.: Серебряный век, 2014. № 32. С. 275–292.

39. *Монахиня Ксения* (*Н. Соломина-Минихен*). О влиянии Евангелия на роман Достоевского “Идиот”. СПб.: Скифия, 2016.

40. *Боград Г.Л.* Павловские реалии в романе Ф.М. Достоевского “Идиот” // Статьи о Достоевском. 1971–2001 / Литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского в Санкт-Петербурге. СПб.: Серебряный век, 2001. С. 152–164.

41. Из архива Ф.М. Достоевского. Идиот. Неизданные материалы / Ред. П.Н. Сакулина и Н.Ф. Бельчикова. М.; Л.: Огиз – Гос. изд-во худ. лит-ры, 1931.

42. Ф.М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. С.В. Белова. СПб.: Андреев и сыновья, 1993.

43. Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского, 1821–1881. В 3 т. СПб.: Акад. проект, 1999. Т. 1.

44. *Белов С.В.* Энциклопедический словарь “Ф.М. Достоевский и его окружение”. В 2 т. СПб.: Алетейя, 2001. Т. 1.

45. *Барон Врангель А.Е.* Воспоминания о Ф.М. Достоевском в Сибири. 1854–56 гг. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1912.

46. Записные тетради Ф.М. Достоевского / Подгот. к печати Е.Н. Коншиной; коммент. Н.И. Игнатовой, Е.Н. Коншиной. М.; Л.: Academia, 1935.